

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Горецкая Е.М. — Память о ГУЛАГе в воспоминаниях заключенных: гендерный и хронологический аспекты контент-анализа // Исторический журнал: научные исследования. – 2023. – № 3. DOI: 10.7256/2454-0609.2023.3.40640 EDN: XCSTRG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40640

Память о ГУЛАГе в воспоминаниях заключенных: гендерный и хронологический аспекты контент-анализа

Горецкая Екатерина Михайловна

аспирант кафедры исторической информатики исторического факультета Московского государственного университета им. МВ. Ломоносова

119192, Россия, г. Москва, ул. Ломоносовский Проспект, 27к4

✉ ekaterina.m.goretskaya@mail.ru

[Статья из рубрики "История и историческая наука"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2023.3.40640

EDN:

XCSTRG

Дата направления статьи в редакцию:

29-04-2023

Дата публикации:

06-05-2023

Аннотация: Периодизация политических репрессий в СССР была и остается актуальным вопросом в изучении ГУЛАГа. По мнению А.В. Бакунина, при определении основных этапов политических репрессий в СССР необходимо исходить из периодизации советского тоталитаризма, которая включает три основных стадии: формирование (генезис) тоталитаризма (1917–1929 гг.), господство (апогей) тоталитаризма (1929–1953 гг.), стагнация и крушение тоталитаризма (1953–1991 гг.). После 1991 г. началась массовая публикация мемуаров бывших заключенных советских лагерей, и именно воспоминания являются основным источником для нашего исследования. В рамках текущей работы мы выдвигаем гипотезу о том, что на восприятие и трансляцию воспоминаний о лагерях может накладываться отпечаток период или этап репрессий, в рамках которого заключенные отбывали срок. Проведенный контент-анализ мемуаров бывших заключенных ГУЛАГа в подгруппах по гендеру и этапу политических репрессий позволяет сделать вывод о том, что во всех подгруппах документов доминируют категории «Власть», «Быт» и «Работа» вне зависимости от этапа политических репрессий и пола авторов мемуаров. Это служит подтверждением тезиса о том, что в памяти

бывших заключенных прежде всего оставляют отпечаток воспоминания, связанные с ежедневным выживанием в лагере и превозмоганием нечеловеческих условий быта и труда. При этом можно отметить, что в небольших по числу входящих документов и размеченных фрагментов подгруппах, например, в подгруппе «женщины, даты ареста с 1918 по 1922 гг.» наблюдаются существенные отклонения в частотах встречаемости – выявляются яркие связи нетипичных категорий. И наоборот, чем больше текстов и чем крупнее изучаемая подгруппа, тем больше проявляется общих черт восприятия лагерной жизни. Это подтверждает гипотезу о массовом характере больших массивов тематически близких текстов.

Ключевые слова:

заключенные, воспоминания, периодизация ГУЛАГа, источники личного происхождения, массовые источники, контент-анализ, гендерные исследования, гендер, репрессии, ГУЛАГ

Политические репрессии советского периода затронули все социально-политические слои и группы населения. Репрессии ведут свой отсчет, согласно закону «О реабилитации жертв политических репрессий», со дня Октябрьской революции – 25 октября (7 ноября) 1917 года, и заканчиваются в 1991 году, то есть, продолжаются на протяжении всего существования Советского союза.

Периодизация политических репрессий в СССР была и остается актуальным вопросом в изучении ГУЛАГа. По мнению историка А.В. Бакунина, при определении основных этапов политических репрессий в СССР необходимо исходить из периодизации советского тоталитаризма, которая включает три основных стадии [\[4, с. 5\]](#):

- формирование (генезис) тоталитаризма (1917–1929 гг.),
- господство (апогей) тоталитаризма (1929–1953 гг.),
- стагнация и крушение тоталитаризма (1953–1991 гг.).

Данные крупные стадии развития тоталитаризма в СССР и, соответственно, репрессивной политики, могут быть разбиты на более мелкие этапы в соответствии с ключевыми объектами и обстоятельствами репрессий.

Так, сразу после Октябрьской революции и вплоть до окончания гражданской войны репрессии затронули прежде всего представителей оппозиционных политических партий и организаций, а также «представителей бывших правящих классов и интеллектуальной элиты страны» [\[19, с. 3\]](#). Период 1923–1929 гг., в свою очередь, отмечается «попыткой большевиков перейти к правовому государству» [\[4, с. 5\]](#), в результате чего политические репрессии ненадолго ослабевают, однако уже ко второй половине 20-х гг. возрождаются с новой силой по отношению к участникам белого движения, крестьянам, офицерам бывшей царской армии, etc.

Говоря о стадии господства (апогея) тоталитаризма, отметим, что в ней также можно выделить несколько этапов репрессий. Этап 1930–1934 гг. отличается завершением процесса оформления политики советской власти по отношению к использованию репрессий для достижения собственных целей: «Поднять общество на осуществление утопических целей и вместе с тем обезопасить и укрепить тоталитарную власть был призван не только мощный политико-идеологический прессинг, но, главным образом,

репрессивный аппарат, система беззакония, насилия и террора сверху донизу. Она восприняла весь опыт, принципы, формы и методы работы ВЧК-ГПУ, ужесточив и значительно расширив масштабы насилия и террора в обществе» [\[4, с. 9\]](#). В этот период, в связи с проведением коллективизации, больше других пострадал слой крестьянства – «по минимальным оценкам «раскулачено» было около 1 млн. крестьянских хозяйств и 6 миллионов крестьян и членов их семей было репрессировано» [\[19, с. 3\]](#). Бакунин пишет, что «в итоге сопротивление крестьянства тоталитарному режиму было сломлено, а наиболее активная его часть репрессирована» [\[4, с. 10\]](#).

Следующий этап, 1935–1941 гг., характеризуется подготовкой и проведением большого террора. Его начало связывают с убийством Кирова, которое привело к организации массовых политических процессов против «врагов народа» и к «охоте на ведьм», в результате которой «через ГУЛАГ за 30-е годы прошло около 8 миллионов советских людей» [\[4, с. 11\]](#).

Этап 1941–1945 гг. связан с Великой Отечественной войной, когда репрессиям подвергались командиры Красной армии, представители рабочего класса, интеллигенции, крестьянства, а также представители малых народов.

После победы в Великой Отечественной войне разворачивается еще один этап репрессий по отношению к тем, кто «проявляет инакомыслие в отношении существующей социально-политической системы или плохо служит тоталитарному режиму» [\[4, с. 14\]](#).

Смерть Сталина ознаменовала начало периода стагнации и крушения тоталитаризма, а вместе с этим и новый виток в развитии репрессивной политики. Несмотря на то, что уже в 50-е гг. многие из политических заключенных были реабилитированы, репрессии, хоть и в меньших масштабах, продолжались. Так, «в 50-е – 80-е годы уголовным преследованиям, ссылке, помещению на принудительное лечение в специальные психиатрические больницы закрытого типа, необоснованному лишению гражданских прав, высылке из СССР, подверглись участники диссидентского движения и инакомыслящие» [\[19, с. 4\]](#). Репрессии в отношении диссидентов и инакомыслящих продолжались до 1991 г.

После 1991 г. началась массовая публикация мемуаров бывших заключенных советских лагерей, и именно воспоминания являются основным источником для нашего исследования. На предыдущих этапах исследования было обнаружено, что «описание лагерного этапа жизни различается в зависимости от пола автора – невооруженным взглядом заметно, что женщины пишут более скрупулёзно и эмоционально, в то время как мужчины – более кратко и структурированно» [\[15, с. 162\]](#). В рамках текущей работы мы выдвигаем гипотезу о том, что на восприятие и трансляцию воспоминаний о лагерях может накладывать отпечаток период или этап репрессий, в рамках которого заключенные отбывали срок.

Документы в коллекции воспоминаний, используемой в данном исследовании, сопровождаются дополнительными биографическими справками о каждом авторе, которые содержат различные данные, среди которых присутствуют и даты ареста узников ГУЛАГа. На основе данных справок была построена просопографическая база данных [\[16\]](#). База данных стала источником атрибутов-характеристик о каждом из авторов текстов, входящих в исследуемую коллекцию мемуаров. Среди атрибутов можно выделить, например, годы жизни авторов, род деятельности, приговор, etc. Но в контексте данного исследования особый интерес вызывает атрибут «Дата ареста», на

основании которого и были выделены подгруппы документов по полу и датам ареста авторов, соответствующие периодизации, указанной выше. Так, документы были разделены на подгруппы по гендеру и годам заключения – «1918–1922 гг.», «1923–1929 гг.», «1930–1934 гг.», «1935–1941 гг.», «1942–1945 гг.», «1946–1953 гг.», «с 1953 гг.».

На предыдущих этапах нашего исследования воспоминания как мужчин, так и женщин-заключенных были проанализированы с применением методов контент- и сетевого анализа. Цель данного этапа работы заключается в том, чтобы провести сравнительный контент-анализ воспоминаний заключенных, основываясь на гендерном и хронологическом аспектах, и ответить на вопрос - различается ли восприятие и трансляция лагерного этапа жизни мужчинами и женщинами в зависимости от периода или этапа политических репрессий, чем именно и почему?

Для проведения контент-анализа была создана система семантических категорий и индикаторов, согласно которой были проиндексированы все тексты. Система включает такие категории, как смерть, семья, тюрьма, дружба, любовь, война, дети, работа, быт, религия, искусство, власть.

В ходе исследования были построены таблицы частот встречаемости для совокупностей документов мужчин и женщин по хронологическим группам. В подгруппе «женщины, даты ареста с 1918 по 1922 гг.» оказалось 7 документов, в которых было проиндексировано 4708 фрагментов текста в соответствии с системой категорий и индикаторов. В подгруппе «мужчины, даты ареста с 1918 по 1922 г.» оказалось 3 документа, в которых проиндексировано 3766 фрагментов текста в соответствии с системой категорий и индикаторов.

Рис. 1. Частоты совместной встречаемости категорий,

подгруппа «женщины, даты ареста с 1918 по 1922 гг.»

Рис. 2. Частоты совместной встречаемости категорий,

подгруппа «мужчины, даты ареста с 1918 по 1922 гг.»

Сравнение частот встречаемости категорий в данных подгруппах показывает следующее. Самая яркая взаимосвязь и в мужских, и в женских текстах (что традиционно для нашего исследования) – это связь категорий «Работа» и «Власть».

Репрессированный сторонник Белого движения и писатель Б.Н. Ширяев, повествуя о Соловецком лагере особого назначения, куда он был отправлен отбывать 10-летний срок, пишет, что «теперь тянутся сюда новые трудники и тоже со всех концов Руси, но уже не Святой, а поправшей, разметающей по буйным ветрам свою святую душу, Руси советской, низвергнувшей крест и звезде поклонившейся» [28, с. 35]. Рассказывая о зарождающейся лагерной системе, он отмечает, что «в эти первые годы первой советской каторги ГПУ еще не уяснило себе экономических выгод широкого применения рабского труда» [28, с. 51]. Продолжая мысль, он говорит, что на раннем этапе репрессий ««политические» на Соловках до 1926 г. жили отдельно, в Савватьевском скиту, в значительно лучших условиях, работ не несли и пользовались помощью и покровительством представительницы» [28, с. 56].

Не менее заметной является традиционная взаимосвязь категорий «Работа» и «Быт». Узники ГУЛАГа пишут, что «зимой, в мороз, на работу выгоняли до света, в темноте, и держали во дворе, у шахты, не менее двух часов, пока начальство ходило по всем баракам и углам, разыскивая и выгоняя на работу тех, кто заболел и не хотел выходить» [23]. При этом за провинности или отказ от работы заключенных ждало еще большее ухудшение условий быта – «замерзали и в старой монастырской дощатой голубятне, куда за отказ от работы запирали в мороз в одном белье» [28]. «Прошло уже более тридцати лет, а мороз проходит по коже и сейчас, как вспомню, как проходили не часы, не дни, а годы в этой бесчеловечной, дикой жизни, и люди гибли, как мухи осенью, от тяжелого труда, от голода, от жгучего сознания своей невинности и незаслуженности позора и кары» [23] – резюмирует крестьянин-толстовец Д.Е. Моргачев.

Высокие частоты встречаемости категории «Власть» наблюдаются и в женских текстах – некоторые девушки всерьез интересовались политикой, проводимой советской властью. Многие из них, например, писательница Т.М. Кардиналовская, читали запрещенные книги и журналы: «Из журнала «Былое» я почерпнула сведения о том, что революционеры в заключении объявляли голодовку как средство борьбы с тюремным режимом – этот метод протеста мне позже пригодился, когда я сама была арестована» [20, с. 52]. Как видим, заключенные упоминают, что голодовка в тот период была достаточно эффективным методом борьбы за отстаивание своих прав в лагере.

И тем не менее, многие заключенные отмечают, что именно в тот период закладывался фундамент всей дальнейшей репрессивной политики. К.Н. Голицын рассказывает, что «в эпоху военного коммунизма, прежде чем успел распуститься недолговечный цветок НЭПа, власть со всею ясностью показала, что не остановится перед самыми жестокими средствами, если они помогут достигнуть цели. Ломка привычных общественных форм, гонение на религию, голод и холод, аресты, расстрелы – все это, невиданное и неслыханное могло породить – согласитесь! – какие угодно чувства: ужас, негодование, возмущение, но отнюдь не сочувствие и симпатию» [14, с. 166].

Отметим, что на графе частот совместной встречаемости заметны «выбросы», особенно по женским текстам – высокие, нетипичные для исследования частоты встречаемости категорий «Смерть», «Война», «Искусство». Эти выбросы обусловлены небольшим количеством текстов, попавших в данную подгруппу – на меньшем количестве текстов

ярче проступают отдельные характеристики авторских текстов.

В подгруппе «женщины, даты ареста с 1923 по 1929 гг.» оказалось 11 документов, в которых было проиндексировано 13174 фрагмента текста в соответствии с системой категорий и индикаторов. В подгруппе «мужчины, даты ареста с 1923 по 1929 гг.» оказалось 23 документа, в которых проиндексировано 43673 фрагмента текста в соответствии с системой категорий и индикаторов.

Рис. 3. Частоты совместной встречаемости категорий,
подгруппа «женщины, даты ареста с 1923 по 1929 гг.»

Рис. 4. Частоты совместной встречаемости категорий,
подгруппа «мужчины, даты ареста с 1923 по 1929 гг.»

Как на мужском, так и на женском графах частот совместной встречаемости категорий заметны привычные связи категорий «Работа» – «Быт» и «Работа» – «Власть». Из необычных связей, на которых хотелось бы остановиться, обращает на себя внимание связь «Власть» – «Война» в мужских текстах. В основном авторы, попавшие в данную группу, критикуют власть в контексте влияния на победу в гражданской войне.

Репрессированный инженер И.Л. Абрамович пишет, что «с помощью казенных, послушных историков Сталин создал целый комплекс лживых версий о предательстве ряда вождей партии и одновременно – легенду о своей выдающейся роли в Октябрьской революции, гражданской войне и строительстве социализма в СССР» [1, с. 5]. Он продолжает, говоря, что «в результате отстранения от руководства (а потом и репрессирования) участников оппозиции, на ведущие в партии и стране посты выдвинулись люди, не игравшие сколько-нибудь значительной роли ни в подготовке и проведении Октябрьской революции, ни в гражданской войне» [1, с. 52].

В подгруппе «женщины, даты ареста с 1930 по 1934 гг.» оказалось 12 документов, в которых было проиндексировано 14055 фрагментов текста в соответствии с системой категорий и индикаторов. В подгруппе «мужчины, даты ареста с 1930 по 1934 гг.» оказалось 22 документа, в которых проиндексировано 27256 фрагментов текста в

соответствии с системой категорий и индикаторов.

Рис. 5. Частоты совместной встречаемости категорий,

подгруппа «женщины, даты ареста с 1930 по 1934 гг.»

Рис. 6. Частоты совместной встречаемости категорий,

подгруппа «мужчины, даты ареста с 1930 по 1934 гг.»

Основные связи и в мужских, и в женских текстах – это «Работа» – «Власть» и «Работа» – «Быт». При этом в женских текстах также наблюдается роль категории «Искусство» в сочетании с категорией «Работа».

Это объясняется тем, что в данную подгруппу попали мемуары многих женщин, которые находили себя в лагерном искусстве – например, в качестве актрис или художниц. Женщины-заключенные рассказывают о тех «поблажках», которые они получали, работая художниками в лагерях: «В виду ценности работ и материалов периодами мне разрешали работать допоздна и спать в мастерской... А льгота одиночества и ночевка в мастерской была для меня подарком судьбы и праздником воспоминаний» [2, с. 35]. Работа в художественной мастерской для них была настоящим спасением, потому что «когда заказов нет – общая работа, тяжелая, грубая – таскать камни, копать землю, работать на кухне, мыть уборные» [2, с. 66]. Вся лагерная жизнь, включая быт и работу, у людей искусства была связана с творчеством и выступлениями на сцене. «Как это ни парадоксально звучит, но в лагере, в тяжелейших, страшнейших условиях, было искусство» [5, с. 172].

Рассказывая о театре в лагерях, женщины обращают внимание на актерский состав. Кроме полностью «лагерных» театров, возникших «на базе культбригады, так назывались концертные бригады КВО, культурно-воспитательного отдела» [5, с. 173], состоящих исключительно из заключенных, существовали и иные образования – «очень сильные труппы, которые наполовину состояли из заключенных, а наполовину из вольнонаемных» [5, с. 173]. К тому же, отмечается, что многие театры функционировали только на хрупких женских плечах: «Напомню: декорации, костюмы, украшения,

оформление – все бедными руками самих женщин. Только женщин. И любовников, и стариков играли все те же женщины. Мужчин – ни одного» [24, с. 268].

Попасть в актив культбригады или в труппу лагерного театра было очень сложно, но это открывало значительные перспективы перед заключенными, а также у них появлялся шанс на относительно спокойную жизнь, наполненную искусством.

Актёров из лагерей в театральные труппы набирали по большей части руководители или режиссеры лагерных театров, которые зачастую и сами являлись заключенными. Актёры, попавшие в театр, до конца своих дней продолжали испытывать благодарность к этим людям. Об одном из режиссёров автор пишет: «Он меня спас в буквальном смысле этого слова, он меня вытащил из лагеря, из перспектив, как говорится, общих работ и настоял на том, чтобы меня взяли в театр, хотя я еще тогда абсолютно ничего не умела делать, кроме как играть какую-то ученическую программу на фортепьяно» [5, с. 172].

И действительно, было за что испытывать благодарность. Заключенные, которые играли в театре, располагали гораздо большей свободой передвижения по сравнению со своими сокамерниками. К тому же условия их быта были значительно лучше, чем у простых заключенных, что в первую очередь касается питания: «хлеб мы забирали с собой, а в театре мы как-то обходились: кто-то получал посылки, кто-то ходил в близлежащие магазины, что-то доставал, ну, в общем, я не испытывала голода» [5, с. 172].

В подгруппе «женщины, даты ареста с 1935 по 1941 гг.» оказался 91 документ, в которых было проиндексировано 59110 фрагментов текста в соответствии с системой категорий и индикаторов. В подгруппе «мужчины, даты ареста с 1935 по 1941 гг.» оказалось 214 документов, в которых проиндексировано 218456 фрагментов текста в соответствии с системой категорий и индикаторов.

Рис. 7. Частоты совместной встречаемости категорий,

подгруппа «женщины, даты ареста с 1935 по 1941 гг.»

Рис. 8. Частоты совместной встречаемости категорий,

подгруппа «мужчины, даты ареста с 1935 по 1941 гг.»

Снова можно наблюдать стандартные высокие частоты встречаемости категорий «Работа», «Быт», «Власть», но заметны и повышенные частоты совместной встречаемости в женских текстах категорий «Смерть» и «Власть».

Узница ГУЛАГа, историк А.Л. Войтоловская, ярко иллюстрируя самый кровавый период репрессий, пишет, что «только за одну зиму черные цепочки заключенных, прошедших на Воркуту мимо нас, превратились в большую колонну. Все в возрасте 30–40 лет. Каждый порознь и все вместе могли бы они поднять на своих плечах великую ношу полезных дел, а им предуготована судьба стать горою трупов. Ценность одной жизни безмерна. Гибель каждого во цвете лет – горе. Здесь погибали не отдельные человеческие жизни, погибала прекрасная лучшая часть революционного поколения. Можно ли измерить ценность этих потерь? Их духовная страстность рождала творчество. Их пламенное слово было набатом революции в момент ее становления и побед. Их высокие моральные качества являлись зародышем нравственных начал будущего. Они – наша эпоха в период наивысшего взлета» [\[13, с. 169\]](#).

В подгруппе «женщины, даты ареста с 1942 по 1945 гг.» оказалось 27 документов, в которых было проиндексировано 16567 фрагментов текста в соответствии с системой категорий и индикаторов. В подгруппе «мужчины, даты ареста с 1942 по 1945 гг.» оказалось 102 документа, в которых проиндексировано 100614 фрагментов текста в соответствии с системой категорий и индикаторов.

Рис. 9. Частоты совместной встречаемости категорий,

подгруппа «женщины, даты ареста с 1942 по 1945 гг.»

Рис. 10. Частоты совместной встречаемости категорий,

подгруппа «мужчины, даты ареста с 1942 по 1945 гг.»

В мужских текстах ярко выделяется категория «Власть» – рассказывая о вероятных причинах репрессий этого периода, инженер А. А. Бобров отмечает: «... делалось это с двойной целью: сосредоточить в Норильске специалистов разных профилей и такого

высокого класса, чтобы впоследствии в кратчайшие сроки в неимоверно тяжелых условиях севера спроектировать и построить гигант горно-металлургической промышленности и по возможности истребить, в том числе путем естественной смерти, потенциальных врагов советской власти» [\[8, с. 250\]](#).

Кроме традиционных для исследования высоких частот встречаемости категорий «Власть», «Быт» и «Работа», в мужских текстах выделяется категория «Война».

В основном в текстах встречается критика советского руководства и принимаемых им решений во время Великой Отечественной войны, а также отношение к участию Советского союза в войне. Так, А.А. Валюм рассказывает о том, что «заключенные, однако, даже не скрывали и того, что, оказавшись в плену или оккупации, под страхом голодной смерти одни из них работали у немцев, другие служили в созданных немцами военных формированиях, третьи, не понимая национальной политики Советского государства, приняли участие в националистическом движении» [\[12, с. 120\]](#). Репрессированный литературовед А.В. Белинков утверждает, что «все катастрофы, разразившиеся в мире: войны, преследование людей, напряженность международной обстановки, – являются плодом коммунистических идей» [\[6, с. 260\]](#).

В женских текстах, в свою очередь заметны повышенные частоты встречаемости категорий «Семья» и «Дети» – женщины ярко пишут о разлуке с детьми, родителями, мужьями. Лингвист Л.И. Богораз рассказывает: «Потом мы попрощались, сын вышел за мной следом во двор, и когда машина (легковая, не Черный ворон) тронулась, пробежал за ней немного. Ему было тогда семнадцать с половиной лет. Когда я увидела его, бегущего вслед за машиной, то почувствовала, как будто удар в сердце и подумала: как же я могла его оставить?» [\[9, с. 89\]](#).

В подгруппе «женщины, даты ареста с 1946 по 1953 гг.» оказалось 49 документов, в которых было проиндексировано 42766 фрагментов текста в соответствии с системой категорий и индикаторов. В подгруппе «мужчины, даты ареста с 1946 по 1953 гг.» оказалось 214 документов, в которых проиндексировано 151007 фрагментов текста в соответствии с системой категорий и индикаторов.

Рис. 11. Частоты совместной встречаемости категорий,
подгруппа «женщины, даты ареста с 1946 по 1953 гг.»

Рис. 12. Частоты совместной встречаемости категорий,

подгруппа «мужчины, даты ареста с 1946 по 1953 гг.»

В женских текстах снова, как и в предыдущем периоде, заметна повышенная частота совместной встречаемости категорий «Семья» и «Дети». Известная актриса и певица Т.И. Лещенко-Сухомлина так рассказывает о своей подруге-узнице ГУЛАГа: «Умирая от полярной желтухи, она поручила мне, если я уцелею, повидать в Москве ее сына Сашу, передать ему привет от матери, что я позднее и исполнила, когда уже освободилась» [22, с. 457].

Художница А.А. Андреева рассказывает о том, что и в лагерях люди стремились проявлять чувства и влюблялись: «Но жизнь есть жизнь, а чувства есть чувства. И человек есть живой человек. Несмотря на неописуемые условия для встреч, люди все-таки проползали под проволокой, встречались, страшно, уродливо, унижительно, где-нибудь над выгребной ямой, под забором... Но все-таки встречались, вцеплялись друг в друга... и женщины беременели. И рожали. Существовали «мамочные лагеря», куда отправляли беременную женщину, она там рожала и два года была с ребенком, потом ребенка забирали в детдом, а мать посылали опять в лагерь» [3, с. 184].

Авторы-бывшие заключенные часто демонстрируют, какое катастрофическое влияние ГУЛАГ оказал на целые семьи: «К тому времени репрессии разбросали всю нашу семью: 77-летнего деда вместе с дочерью и ее семьей сослали в Прокопьевск, отец ушел в подполье (арестован в 1949 году), брат Иван скитался по селам, помогал хлопцам в лесу, а потом уехал в Николаев на судостроительный завод, мама с тремя малыми детьми жила в чужих хатах – нашу забрали, вселили других жильцов, ригу спалили, а конюшню разобрали» [30, с. 85].

Актриса Т.К. Окуневская подтверждает этот тезис, говоря, что «тюрьма полным-полна – не набита, как в 48-м, но свято место пусто не бывает – все камеры полны... интересно, какой сейчас свирепствует указ... гэбэшники живут указами, идущими с самого верха: арестовать побывавших за границей; арестовать детей, родители которых арестованы и расстреляны в 37-м году, даже если им только по 17 лет, как Леночке Косаревой; арестовать всех недоарестованных детей «бывших»; арестовать всех, кто общался с иностранцами; арестовать всех, кто позволяет себе жить не по указке... как эта наша начальница кадров в театре, махровая гэбэшница, уговаривала меня вступить в партию... я до смешного подхожу ко всем указам... у них классовое чутье развито, как у хищников обоняние... арестовать снова тех, кто был арестован в 37-м году и нечаянно вышел на свободу... » [25, с. 311].

И в женских, и в мужских текстах заметны возросшие частоты встречаемости категории «Война». Заключенные рассуждали и о влиянии Великой Отечественной войны на популярность советской власти и партийного руководства. Отмечается, что «в первый

месяц войны чистый и светлый патриотизм охватил широчайшие российские массы» [26, с. 13], которые «готовы были пожертвовать для войны последнее столовое серебро» [26, с. 13].

Кроме того, встречаются многочисленные рассказы о наступлениях немцев, в ходе которых исправительно-трудовые лагеря оказывались на оккупированной территории. Люди оказывались в непрестом положении, поскольку «и те и другие для нас враги, потому что эти тоже объявили нас провокаторами и фашистами и шпионами» [27, с. 215].

Война оказала непосредственное влияние на жизнь заключенных, потому что «в войну политических не выпускали» [27, с. 215]. И даже когда война кончилась, «вышел указ – не выпускать» [27, с. 215]. То есть, люди были вынуждены и дальше отбывать срок «до особого распоряжения», что становилось для них большим ударом: «Сидеть без срока очень трудно, и я заболела. У меня начались припадки, вроде падучей» [27, с. 215].

Заключенные отмечают, что война оказала существенное влияние на их быт и работу, что объясняет высокие частоты совместной встречаемости категории «Война» с категориями «Быт» и «Работа». Быт в лагерях, а также отношение начальников значительно поменялось с приходом войны – осознав масштабы войны, заключенные старались помогать фронту. Балерина Л.Л. Бершадская пишет, что «женщины работали на фабрике, где шили белье для Советской Армии» [7]. Начальники ежедневно произносили ободряющие речи: «Друзья! Товарищи! Наши сыновья, братья, отцы сражаются на фронте, кровь проливают, защищая Родину! Мы своим трудом обязаны помочь...» [17] и «Мы заключенные – это горе, но помните, что самое страшное горе – это война! Наши родные на воле тоже голодают, но трудятся и отдают все свои силы, помогая Красной Армии громить врага» [17].

Женщины рассуждают о том, что в ссылке и исправительно-трудовых лагерях они «тяжелое чувство переживали от того, что в такое тяжелое для Родины время ничего, совершенно ничего не могли сделать для фронта, для обороны страны.» [18, с. 298]. В то же время мужчины «возили тачки вместо того, чтобы воевать на фронте или работать на оборонных предприятиях в тылу» [18, с. 299].

В подгруппе «женщины, даты ареста с 1953 г.» оказалось 5 документов, в которых было проиндексировано 4394 фрагмента текста в соответствии с системой категорий и индикаторов. В подгруппе «мужчины, даты ареста с 1953 г.» оказалось 61 документ, в котором проиндексировано 89477 фрагментов текста в соответствии с системой категорий и индикаторов.

Рис. 13. Частоты совместной встречаемости категорий,

подгруппа «женщины, даты ареста с 1953 г.»

Рис. 14. Частоты совместной встречаемости категорий,

подгруппа «мужчины, даты ареста с 1953 г.»

Рассказывая о власти в этот период, авторы отмечают смягчение режима: «... менялось настроение и самой государственной машины: не было больше того революционного пыла и рвения – расстрелял его Сталин в 30-40-е годы» [10]. Кроме того, поскольку в данную группу попали в основном воспоминания представителей диссидентского движения, заметна ненависть к советской власти: «Мы не планировали создать какой-нибудь новый строй взамен – нам нужен был взрыв, момент наивысшего напряжения сил, когда можно будет наконец уничтожить всю эту нечисть, когда вдруг по всем концам Москвы поднимутся во весь рост НАШИ и неудержимо пойдут на штурм всех этих Лубянок, партийных комитетов и министерств» [10]. Часто в мемуарах встречаются и инструкции, как вести себя на допросе: «никогда ни в чем не признаваться, особенно в членстве в организации; не узнавать других членов, если будут показывать; скрывать свои взгляды и прикидываться советским человеком: разыгрывать удивление, недоумение, негодование и другие психологические приемы на допросе» [10].

Интересны возросшие частоты встречаемости категории «Религия» прежде всего в женских текстах. Сквозь аллегории и другие художественные средства текста правозащитницы З.А. Крахмальниковой просматривается отношение к советской антирелигиозной пропаганде: «Человек ненавидит Бога. Он хочет Его убить. Сначала он убивает Бога в себе, потом он хочет убить Его во мне, и, если я не даю убить своего Бога, он сажает меня в тюрьму, в лагерь или ссылает в пустыню» [21, с. 6]. Педагог О.И. Яфа отмечает, что в лагере «больше, чем по хлебу насущному, они голодали по умственной пище, и тосковали по красоте, и искали Бога, и мучились вечными "проклятыми" вопросами...» [29, с. 94]. З.А. Крахмальникова пишет: «Моя борьба за свободу в тюрьме могла начаться только после того, как Бог смиловился надо мной и помог победить страх» [21, с. 126].

Но и в мужских текстах также встречается упоминание бога – но уже в переносном смысле: «Вера в партию как церковь – характерная черта партийцев 20-30-х годов; мистическая вера в Сталина как Бога – черта народного сознания 30-40-50-х годов. Эта мистическая вера в непогрешимость народа, класса, партии, «коллектива», вера в то, что "мы" всегда право перед "я", – выгодна всякой тоталитарной системе и поощряется ею» [11, с. 35].

Контент-анализ мемуаров бывших заключенных ГУЛАГа в подгруппах по гендеру и этапу

политических репрессий позволяет сделать следующие выводы.

Как и на предыдущих этапах исследования, во всех подгруппах документов доминируют категории «Власть», «Быт» и «Работа» вне зависимости от этапа политических репрессий и пола авторов мемуаров. Это служит подтверждением тезиса о том, что в памяти бывших заключенных прежде всего оставляют отпечаток воспоминания, связанные с ежедневным выживанием в лагере и преодолением нечеловеческих условий быта и труда.

При этом можно отметить, что в небольших по числу входящих документов подгруппах, например, в подгруппе «женщины, даты ареста с 1918 по 1922 гг.» наблюдаются существенные отклонения в частотах встречаемости – выявляются яркие связи нетипичных категорий. И наоборот, чем больше текстов и чем крупнее изучаемая подгруппа, тем больше проявляется общих черт восприятия лагерной жизни. Это подтверждает гипотезу о массовом характере больших массивов тематически близких текстов.

Кроме того, наблюдаются локальные отклонения от общих тенденций в ряде подгрупп. Так, например, в подгруппе «женщины, даты ареста с 1930 по 1934 гг.» заметна возросшая частота встречаемости категории «Искусство» с другими категориями, что может быть связано с тем, что именно с 1934 г. во всей системе ГУЛАГа распространились культурно-воспитательные части (КВЧ) и появились культурно-воспитательные отделы (КВО), регламентирующие досуг в лагерях.

Другим интересным наблюдением можно считать то, что в текстах авторов, отбывавших срок на послевоенном этапе репрессий (с 1946 по 1953 гг.) заметны возросшие частоты встречаемости категории «Война».

С точки зрения гендерных различий, подтверждаются выводы, сделанные нами на предыдущих этапах исследования ^[15] – в женских текстах частота встречаемости «человечных», семейных категорий («Семья», «Дети», «Любовь») в среднем выше, чем в мужских. В свою очередь, в мужских текстах вне зависимости от этапа репрессий отмечаются значительно более высокие частоты встречаемости категории «Власть», чем в женских текстах.

Тем не менее, нельзя назвать рассмотренные выше отклонения существенными. Несмотря на наличие частных, присущих отдельным подгруппам, особенностей в частотах совместной встречаемости категорий, в совокупности этап политических репрессий повлиял на восприятие и трансляцию воспоминаний о лагерном этапе жизни бывших заключенных несущественно.

Резюмируя, отметим, что мемуары бывших заключенных ГУЛАГа являются актуальным и незаменимым источником по изучению памяти о ГУЛАГе, а комплекс методов для работы с коллекцией мемуаров позволяет получить и систематизировать обширные сведения о восприятии и трансляции лагерного этапа жизни.

Библиография

1. Абрамович И. Л. Воспоминания и взгляды Авторханов А. Г. Мемуары / обл. А. В. Русака. – Frankfurt/M. : Посев, 1983. – 767 с. – URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=book&num=1266> (дата обращения: 02.05.2023)
2. Акцынов А. В., Акцынова Л. М. По стерне босиком. – Чебоксары : Чувашия, 1992. – 260 с. – URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=book&num=794> (дата

- обращения: 02.05.2023)
3. Андреева А.А. Плавание к Небесному Кремлю. – М.: Ред. журн. "Урания", 1998. – 228 с. – URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=book&num=1399> (дата обращения: 02.05.2023)
 4. Бакунин А. В. Основные этапы политических репрессий в СССР / А. В. Бакунин // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917-1980-е годы) : сборник статей участников научной конференции. – Нижний Тагил: НТГПИ, 1997. – С. 5-15.
 5. Барышникова Т. Н. Дорогая моя культбригада // Озерлаг: как это было / сост. и авт. предисл. Л. С. Мухин.-Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1992. – С. 171-186. – URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=book&num=1727> (дата обращения: 02.05.2023)
 6. Белинков А. В. Россия и Черт : Роман. Рассказы. Пьеса. Допросы / сост. Н. В. Белинкова-Яблокова. – СПб. : Журнал "Звезда", 2000. – 284 с. – URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=book&num=782> (дата обращения: 02.05.2023)
 7. Бершадская Л. Л. Растоптанные жизни: Рассказ бывшей политзаключенной. – Париж: Пять континентов, 1975. – 134 с. – URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=author&i=87> (дата обращения: 02.05.2023)
 8. Бобров А. «...и мягко так посылает пришельца из органов матом – не понимаешь в нашем деле ничего, так помолчи» // О времени, о Норильске, о себе... Кн. 11 / Ред.-сост. Г. И. Касабова; публикацию подготовила Л. Федишина. – М. : ПолиМЕдиа, 2010. – С. 246–283. – URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=book&num=2335> (дата обращения: 02.05.2023)
 9. Богораз Л. И. Из воспоминаний // Минувшее : Ист. альм. – [Вып.] 2. – М.: Прогресс; Феникс, 1990.– С. 81-140. – URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=book&num=1892> (дата обращения: 02.05.2023)
 10. Буковский В. "И возвращается ветер..." – Нью-Йорк : Хроника, 1978. – 384 с. – URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=book&num=853> (дата обращения: 02.05.2023)
 11. Вайль Б. Б. Особо опасный / авт. предисл. К. И. Герстенмайер. – Лондон : Overseas Publications Interchange, 1980. – 400 с. – URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=book&num=1695> (дата обращения: 02.05.2023)
 12. Валюм А. А. «...у нас было только два выхода: свобода или смерть» // О времени, о Норильске, о себе... Кн. 6 / ред.-сост. Г. И. Касабова. – М. : ПолиМЕдиа, 2005. – С. 84–151. – URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=book&num=368> (дата обращения: 02.05.2023)
 13. Войтоловская А. Л. По следам судьбы моего поколения. – Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1991. – 334 с. – URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=book&num=862> (дата обращения: 02.05.2023)
 14. Голицын К. Н. Записки князя Кирилла Николаевича Голицына / подгот. текста, сост., предисл. и примеч. Б. П. Краевского ; Рос. Дворян. Собрание. – М., 1997. – 400 с. – URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=book&num=833> (дата обращения: 02.05.2023)
 15. Горецкая Е. М. Гендерные особенности восприятия ГУЛАГа: сравнительный контент-анализ устных и письменных воспоминаний // Исторический журнал: научные исследования. – 2022. – № 6. – С. 158-173. DOI: 10.7256/2454-0609.2022.6.39493 EDN: VMSDGN. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39493 (дата

- обращения: 02.05.2023)
16. Горецкая Е. М. Социальный облик заключенных ГУЛАГа – авторов мемуаров // Историческая информатика. – 2021. – № 3. – С. 49-68. DOI: 10.7256/2585-7797.2021.3.36214. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=36214 (дата обращения: 02.05.2023)
17. Дворжецкий В. Я. Пути больших этапов : Записки актёра. – М. : Возвращение, 1994. – 118 с. – URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=book&num=1309> (дата обращения: 02.05.2023)
18. Ефимова И. А. Ничего не забывается // ... Иметь силу помнить : Рассказы тех, кто прошел ад репрессий. М. : Моск. рабочий, 1991. С. 298. – URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=book&num=306> (дата обращения: 02.05.2023)
19. Жемкова Е. Б., Рогинский А. Б. Между сочувствием и равнодушием – реабилитация жертв советский политических репрессий. – URL: https://www.memo.ru/media/uploads/2017/08/22/mezhdu-sochuvstviem-i-ravnodushuem_reabilitacia-zhertv-sovetskikh-repressiy.pdf (дата обращения: 02.05.2023)
20. Кардиналовская Т. М. Жизнь тому назад : Воспоминания. – СПб. : ДЕАН + АДИА-М, 1996 – 165 с. – URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=book&num=543> (дата обращения: 02.05.2023)
21. Крахмальникова З. А. Слушай, тюрьма! – М. : ПИК, 1995. – 150 с. – URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=book&num=2172> (дата обращения: 02.05.2023)
22. Лещенко-Сухомлина Т. И. Из воспоминаний "Моя гитара" // Доднесь тяготеет. Вып. 1 : Записки вашей современницы. – М. : Сов. писатель, 1989. – С. 449-460. – URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=book&num=771> (дата обращения: 02.05.2023)
23. Моргачев Д. Е. Моя жизнь // Воспоминания крестьян-толстовцев, 1910-1930-е годы / сост. А. Б. Рогинский ; примеч. Д. И. Зубарева, А. Б. Рогинского. – М. : Книга, 1989. – С. 233-308. – URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=book&num=2062> (дата обращения: 02.05.2023)
24. Наппельбаум И. М. Солнечные зайчики на тюремной стене // Озерлаг: как это было. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1992. – С. 258-270. – URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=book&num=1311> (дата обращения: 02.05.2023)
25. Окуневская Т. К. Татьянин день. – М. : Вагриус, 1998. – 447 с. – URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=book&num=987> (дата обращения: 02.05.2023)
26. Польская Е. Б. Это мы, Господи, пред Тобою... . – Невинномысск : Б.и.; 1998. – 504 с. – URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=book&num=1523> (дата обращения: 02.05.2023)
27. Шатуновская О. Г. Об ушедшем веке. Рассказывает Ольга Шатуновская. – La Jolla (Calif.) : DAA Books, 2001. – 470 с. – URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=book&num=301> (дата обращения: 02.05.2023)
28. Ширяев Б. Н. Неугасимая лампада. – М. : Т-во рус. худож., 1991. – 414 с. – URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=book&num=937> (дата обращения: 02.05.2023)
29. Яфа О. В. Из воспоминаний // Память: Исторический сборник. Вып. 1. – М.: 1976 – Нью-Йорк: 1978. – С. 93–158. – URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?>

- t=book&num=2040 (дата обращения: 02.05.2023)
30. Яхницкая О. И. «Она (фронтовичка Катя Ярцева, россиянка) была мне как мать, сестра, подруга» // О времени, о Норильске, о себе... : Воспоминания. Кн. 9. – М. : ПолиМЕдиа, 2007. – С. 80–94. – URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=book&num=2240> (дата обращения: 02.05.2023)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью «Память о ГУЛАГе в воспоминаниях заключенных: гендерный и хронологический аспекты контент-анализа»

Рецензируемая статья посвящена контент-анализу коллекции воспоминаний бывших заключенных ГУЛАГа. Известно, что воспоминания представляют собой достаточно сложный объект для анализа в силу свойств человеческой памяти, которые могут приводить к утрате некоторых деталей, смещению акцентов, переоценке происходившего под влиянием изменившейся общественной обстановки, особенно если учесть, что часто мемуары писались по прошествии значительного количества времени и в течение целого ряда лет и даже десятилетий.

Автор указывает и на иные трудности работы с мемуарами как с историческим источником: это и проблема датировки воспоминаний и дифференциация их особенностей в соответствии с возрастными, гендерными и профессиональными характеристиками их создателей. К тому же, свои воспоминания оставили для нас в основном представители городской интеллигенции, образованных слоев общества, что ставит вопрос о степени репрезентативности этого источника. И тем не менее, трудно переоценить значение огромного корпуса сохранившихся лагерных мемуаров, который в значительной степени еще ожидает детального анализа, а именно – изучения того, что и как вспоминали люди, прошедшие заключение в лагерях.

В этом направлении и строит свое исследование автор данной работы, ставя задачу проследить влияние на содержание мемуаров двух факторов: гендерного и хронологического, группируя тексты по полу авторов и этапам репрессий, в рамках которых заключенные отбывали срок. Такая группировка возможна, поскольку автором создана просопографическая база данных, содержащая, в частности, такой атрибут, как «дата ареста». На основе периодизации А.В. Бакунина основных этапов политических репрессий в СССР в работе рассмотрены следующие периоды: 1918–1922, 1923–1929, 1930–1934, 1935–1941, 1942–1945, 1946–1953 и с 1953 гг.

Для проведения контент-анализа автор использует систему семантических категорий, которая включает основные смысловые акценты коллекции мемуаров (здесь читателю, возможно, недостает четкого указания на критерий построения этой системы): «Власть», «Работа», «Быт», «Тюрьма», «Война», «Смерть», «Семья», «Дружба», «Любовь», «Дети», «Религия», «Искусство». Далее для каждого временного интервала воспоминания мужчин и женщин проанализированы на основе частот встречаемости категорий и проинтерпретированы в сравнительном плане.

Сравнительный анализ убедительно показывает, что наиболее сильной является связь категорий «Работа» и «Власть», «Работа» и «Быт», и эта связь проявляется как в мужских, так и в женских текстах на всех хронологических интервалах, т.е. в памяти бывших заключенных прежде всего оставляют отпечаток воспоминания, связанные с ежедневным выживанием в лагере в нечеловеческих условиях быта и труда.

Автор отмечает также высокие частоты встречаемости в женских текстах таких

категорий, как «Смерть» (и ее связь с «Властью» в самый кровавый период, 1935–1941 гг.), «Искусство» (и его связь с «Работой», особенно для 1930–1934 гг., когда во всей системе ГУЛАГа появились культурно-воспитательные части – КВЧ), а также сильную связь категорий «Власть» и «Война» и в мужских, и в женских текстах в военный и послевоенный периоды; это объясняется тем, что быт в лагерях, а также отношение начальников значительно поменялось с началом войны. В эти же периоды в женских текстах автор отмечает повышенные частоты встречаемости категорий «Семья» и «Дети» – женщины эмоционально пишут о разлуке с родными.

Интересно замечание автора о повышении частоты встречаемости категории «Религия» после 1953 года, прежде всего в женских текстах, однако и в мужских текстах эта категория встречается, но совсем в другом контексте – мистическая вера в партию, в Сталина как Бога характеризуется авторами мемуаров как черта народного сознания 1930-х – 1950-х годов.

Локальные отклонения от общих тенденций автор интерпретирует как специфику малых по количеству документов групп, в то время как в больших подгруппах ярче проявляются общие черты восприятия лагерной жизни. Это подтверждает источниковедческую гипотезу о массовом характере больших массивов тематически близких текстов.

Автор демонстрирует глубокое знакомство с материалом и владение методикой компьютеризованного контент-анализа; работа написана в академичном стиле, хорошим литературным языком, обладает научной новизной и актуальностью.

В целом, и методическая, и содержательная сторона работы, безусловно, вызовут интерес читателей. Рекомендую статью к публикации.